
Н. А. Бутинов

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

В сентябре 1971 г. исполняется сто лет со дня высадки известного русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, на побережье залива Астролябии, носящем с тех пор название Берега Маклая. Плавание на корвете «Витязь» от Кронштадта до Берега Маклая длилось 11 месяцев.

Я попрошу читателя перенестись мысленно на сто лет назад, когда в центре внимания ученых стояла теория Ч. Дарвина о происхождении человека от обезьяноподобных предков. Ученые искали на земном шаре, в самых глухих и неисследованных районах, промежуточные между человеком и обезьяной формы, притом не ископаемые, а живые. Один из ревностных последователей Ч. Дарвина «иенский еретик» Э. Геккель видел такую форму в папуасах Новой Гвинее, которых он относил к «пучковолосой» расе (поверив поверхностным наблюдениям, сделанным мореплавателями, будто волосы на теле папуасов растут пучками).

Миклухо-Маклай, слушавший лекции Э. Геккеля в Иенском университете, не пошел в этом вопросе за своим учителем. Он заметил, что утверждения о «пучковолосой» расе таят возможность опасных для человечества расистских выводов. Поэтому он решил посвятить несколько лет жизни изучению первобытных народов¹. Глубоко убежденный в том, что вопрос о свойствах папуасской расы можно серьезно изучать только на месте, т. е. на Новой Гвинее, он отправился на этот остров, поселился среди «пучковолосых» и стал вести антропологические и этнографические исследования.

Это была в полном смысле слова «езда в незнаемое». Каждый день пребывания среди папуасов приносил открытия. Но немало было и таких дней, когда жизнь Миклухо-Маклая висела на волоске.

Чтобы в любом случае сохранить результаты своих исследований, Миклухо-Маклай показал сопровождавшим его при высадке русским офицерам «Витязя» место, где собирался он зарыть свои записи «с тем, — пишет он, — чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу»².

Молодой ученый, к счастью, остался жив (хотя организм его серьезно пострадал от необычных для европейца климатических условий); он завоевал доверие папуасов, изучил язык бонгу, собрал уникальные этнографические и антропологические коллекции, добился крупных результатов в своих научных исследованиях.

Миклухо-Маклай был на Новой Гвинее пять раз, из них трижды на Берегу Маклая (1871—1872, 1876—1877, 1883 гг. — в общей сложности он прожил здесь 2 года 8 месяцев), один раз на северо-западном берегу (1874 г.), один раз на юго-восточном полуострове (1881 г.). Он совершил

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Почему я выбрал Новую Гвинею, Собр. соч., т. I, М.—Л., 1960, стр. 3.

² Там же, стр. 88.

два путешествия по островам Меланезии и Микронезии (1876 и 1879 гг.), посетил некоторые острова Полинезии (1871 г.). За пределами Океании он побывал вместе с Э. Геккелем на Канарских островах (1866—1867 гг.), путешествовал по побережью Красного моря (1869 гг.), совершил два труднейших путешествия по Малаккскому полуострову (1874 и 1875 гг.), посетил Филиппинские острова (1873 г.), длительное время жил в Австралии (1878—1882, 1884—1886 гг.).

Статьи, дневники, рисунки, коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая, особенно те, которые связаны с его пребыванием на Берегу Маклая, стали ценнейшим достоянием мировой этнографической науки, вошли в ее золотой фонд. Именно с Миклухо-Маклая начинается в мировой науке этнографическое и антропологическое изучение коренных жителей Новой Гвинеи.

Современные исследователи культуры и быта папуасов Новой Гвинеи, желая получить представление о том, что было у прибрежных групп населения до колонизации, обращаются к трудам Миклухо-Маклая даже в тех случаях, когда интересующие их этнические общности живут не на самом Берегу Маклая, а в соседних районах. Так, К. Бэридж, изучавший культ «карго» в одном из соседних районов, пишет: «Какой богатой могла быть культура тангу, можно себе представить по эскизам и рисункам барона Н. Н. Миклухо-Маклая, который жил 15 месяцев на Берегу Маклая. Эти эскизы опубликованы в 5-м томе собрания сочинений Миклухо-Маклая, изданного Институтом этнографии Академии наук СССР в 1954 г.»³.

Подвиг Миклухо-Маклая — яркий пример самоотверженного служения науке. Но в нем, кроме чисто научной, есть еще одна сторона, которую выдвигал на первый план великий русский писатель Лев Николаевич Толстой — сторона гуманистическая.

«Сколько мне известно, — писал Толстой Миклухо-Маклаю, — вы первый несомненно опытом доказали, что человек — везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой... Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом»⁴.

Гуманистическая сторона подвига Миклухо-Маклая нашла свое продолжение в его борьбе против колониализма. В своих трудах и письмах он обличал трэдеров, обманывающих местное население; миссионеров, эксплуатирующих местных жителей и прокладывающих дорогу трэдерам и колониальным чиновникам; колониальных чиновников, насаждающих произвол и беззаконие. Но он стремился оказать папуасам и непосредственную помощь. Когда австралийское правительство послало на Новую Гвинею корабль с карательным отрядом на борту, Миклухо-Маклай отправился на нем с тем, чтобы отвести от папуасов надвигающуюся на них катастрофу. И он достиг этой цели. А когда Германия захватила северо-восточную часть Новой Гвинеи (куда входит Берег Маклая), он послал канцлеру Бисмарку телеграмму: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию. Маклай».

Миклухо-Маклай умер в возрасте 42 лет, не успев подготовить к печати многие свои труды и дневники. Его папуасские друзья на Берегу Маклая попали в колониальное рабство, и он ничем не мог им помочь. Трагедия ученого была в том, что он был одинок в борьбе против колонизаторов Океании, этих, как он их называл, «белых дикарей».

В нашей стране после Октябрьской революции идеи Миклухо-Маклая обрели новую жизнь. К ученому посмертно пришла слава. А после вто-

³ К. О. L. Burridge, Mambu, London, 1960, p. 113.

⁴ См.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1953, стр. 465.

рой мировой войны начали воплощаться в жизнь надежды и чаяния ученого. Волны освобождения от оков колониального рабства дошли и до Океании: в 1962 году добилось государственной независимости Западное Самоа, в 1968 году — Науру, в 1970 — Тонга и Фиджи. Недалек тот день, когда обретут свободу папуасы Новой Гвинеи, в том числе и жители Берега Маклая.

Специальный комитет по конституционному развитию Папуа-Новой Гвинеи (в эту территорию входят Восточная Новая Гвинея, Новая Британия, Новая Ирландия, острова Адмиралтейства и два острова из группы Соломоновых — Бука и Бугенвиль) принял решение о новом названии страны и о ее государственном флаге. Папуа-Новая Гвинея будет называться Пагини, ее жители — пагинианцами. На пагинианском флаге будут три вертикальные полосы — голубого, желтого и зеленого цветов. На голубой части флага помещается изображение созвездия Южного Креста, на зеленой — райской птицы. Комитет высказался за предоставление Папуа-Новой Гвинеи самоуправления, при котором внешняя политика и вопросы обороны останутся «на ответственности Австралии»⁵.

Папуасы Берега Маклая до сих пор хранят память о своем русском друге, заступнике и вожде, тамо боро-боро. В 1966 г. В. О. Гурецкий, участник 38-го рейса советского экспедиционного судна «Витязь», побывав на Берегу Маклая и узнав, что папуасы помнят «тамо русс», нередко называют своих детей именем «Маклай», и не забыли даже о том, как их деды и прадеды испугались привезенного ученым невиданного животного — бычка, как они получили от Маклая первые железные ножи и топоры и т. п.⁶.

Перед мировой этнографической наукой, в том числе и перед советской, стоит задача продолжить этнографические исследования на Берегу Маклая. Число проблем необозримо. В настоящей статье целесообразно остановиться лишь на нескольких из них. Речь пойдет об этническом составе населения Берега Маклая, об общественном строе папуасов и об изменениях в их культуре и быте за прошедшие сто лет.

Широко распространен тезис об этнической дробности папуасского населения. Исследователи насчитывают на Новой Гвинее до 700 племен. Между тем Миклухо-Маклай отметил важный факт: соседние группы населения обычно близки по языку и культуре. «Почти в каждой деревне берега Маклая, — писал он, — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые туземцы говорят на двух или трех наречиях; чтобы научиться этому, папуасы проводят некоторое время в чужих деревнях»⁷.

Это свидетельство Миклухо-Маклая является очень ценным. Диалект бонгу Миклухо-Маклай знал хорошо, и там, где этот диалект понимали, он в переводчиках не нуждался. Когда появлялся другой диалект, ему требовался один переводчик. Когда же второй диалект сменялся третьим (считая от деревни Бонгу), ему требовались уже два перевод-

⁵ О. Скалкин, Страна называется Пагини, «Правда», 29 ноября 1970.

⁶ В. О. Гурецкий, По следам Миклухо-Маклая, «Природа», 1969, № 3. О том же сообщает Л. Почивалов, участник 49-го рейса «Витязя», побывавший в 1970 году в деревне Бонгу («Правда», 3 января 1970 г.).

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее, Собр. соч., т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 92.

чика: один из них переводил другому с третьего диалекта на второй, а этот папуас переводил Миклухо-Маклаю со второго диалекта на диалект бонгу. Миклухо-Маклай продолжал удаляться от деревни Бонгу, и когда третий диалект сменялся четвертым, ему требовались три переводчика.

Границы взаимопонимания могут проходить в любом месте, так как они зависят от того, от какой деревни ведется счет. Каждая деревня стоит в центре зоны ее взаимопонимания. Любопытно отметить, что именно те деревни, где жили и работали исследователи, обычно находятся в центре очерченных ими на карте племенных территорий⁸. После Миклухо-Маклая многие исследователи писали, что между папуасскими племенами невозможно провести языковую, культурную и даже территориальную границу, а значит и этническую. Учитывая свидетельства Миклухо-Маклая, подтвержденные более поздними исследованиями в других районах, автор настоящей статьи высказал мнение, что на Новой Гвинее существует цепная связь языков и культур и что указываемые исследователями на картах племена представляют собой на деле контактные этнические общности (конзо)⁹. С этим мнением не согласился (в письме ко мне) австралийский этнограф Лейкок. Было бы весьма полезно провести исследование языковой ситуации на Берегу Маклая — ведь именно здесь Миклухо-Маклай впервые обнаружил близость соседних языков и собрал первые материалы по лексике, подтверждающие этот вывод.

Основные ячейки первобытнообщинного строя папуасов — община, семья и род. К сожалению, многие исследователи ограничиваются изучением у папуасов семьи и рода, оставляя в тени общину. Если взять, например, объемистые книги Вирца и Бааля о маричд-аним (одно из наиболее изученных новогвинейских племен), то окажется, что из 1670 страниц в них вряд ли найдется более 50 страниц, посвященных описанию деревень, притом деревни рассматриваются авторами не как социальные ячейки (общины), а просто как поселения.

Даже в трудах Малиновского о тробриандцах, где довольно обстоятельно охарактеризованы деревня, семья и род, они даны не как три стороны социального треугольника, а как три обрывающиеся линии, не соединенные между собой. Мы не знаем, например, родовой состав населения тробриандских деревень, с одной стороны, и количество членов каждого из четырех родов, их расселение по деревням — с другой.

Община — это основание социального треугольника. В настоящее время в мировой этнографической науке широко обсуждается проблема соотношения общины и рода¹⁰, и данные Миклухо-Маклая о папуасской общине могут сыграть при решении этой проблемы полезную роль. Миклухо-Маклай изо дня в день наблюдал и описывал события, происходившие в деревне Бонгу. В его материалах есть список кварталов, сведения о количестве хижин, поименный список (по кварталам) взрослых мужчин и их жен (см. табл. на стр. 73).

Миклухо-Маклай уделял много внимания изучению семьи. В частности, он отметил, что «невесты собственно покупаются не женихом, или отцом жениха, а всей деревней, где живут последние, и опять-таки плата идет не семье невесты, а всей деревне ее»¹¹. В свадебном обряде не-

⁸ Н. А. Бутин ов, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 24—26.

⁹ Н. А. Бутин ов, Этнолингвистические группы на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 85; см. также: С. Loukotka, Classification des langues Papoues, «Lingua Posnensis», 1957, vol. 6.

¹⁰ См., например, дискуссию по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» в нашем журнале за 1967—1970 гг. (см. табл. на стр. 73).

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Конспекты лекций в Географическом обществе о путешествиях в Океании, Собр. соч., т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 434.

Поименный список глав семей и число их жен в кварталах деревни Бонгу*

Булиу	Каниялю	Тетейбай
Сагам —1 жена	Балиль —1	Калеу Б.—2
Калеу —1	Яго К.—2	
Буа —1	Моте —1	
Ундель—1	Лако —1	
Мая —1		
У л и с и м	Я в а р	Р у м б а у
Саул Б.—3	Нуа —1	Гамай —1
Саул К.—1	Тиау —1	Ели —1
Мамыс —2	Гулом —1	Коле —1
	Какуа —2	
	Калеу —1	
О б о м у	Б о н г у	С у р а м
Яго Б.—2	Муль —1	Кумбо —1
Калун —1	Дам —1	Намуй—2
	Теб —2	Гасем —1
	Масиль —2	Налай —2
	Ион —2	

* См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 157. Всего в деревне Бонгу—78 взрослых жителей. Б—означает боро (большой), К—вероятно, кенен (маленький); названия кварталов даны разрядкой.

веста и жених стоят на втором плане, родители невесты также не принимают в нем активного участия¹². Вопрос о браке, о тлате за невесту решает община. Муж не наследует имущества жены, жена—имущества мужа. Муж живет в мужском доме (буамрамра), жена—в семейной хижине (таь). «Муж готовит пищу отдельно для одного себя, а жена—для себя и для детей. Мужья и жены никогда не едят пищу у одного очага или из одной и той же посуды»¹³. Судя по этим данным, семья у папуасов Берега Маклая—парная.

Правда, Миклухо-Маклай не заметил третьей стороны социального треугольника—рода. Но внимательно читая его дневники, можно обнаружить и экзогамию, и наличие родовых связей между жителями разных деревень.

У папуаса Моту, жителя деревни Бонгу, умирает жена. Маклай сообщает, что она родом из деревни Бурам-Мана¹⁴. Женится папуас Мукау из деревни Бонгу, его невеста Ло—из деревни Гумбу¹⁵. Выходит замуж дочь Калуна из деревни Бонгу и переходит жить в деревню Колику-Мана¹⁶. На основании этих фактов можно сделать вывод, что деревня Бонгу экзогамна.

Целый ряд признаков говорит о наличии рода. Когда у папуаса Моту умерла жена, из деревни Бурам-Мана, откуда она родом, пришли ее родственники. Они связали погребальную корзину, уложили в нее труп, внесли корзину в хижину и повесили в углу с помощью перекладки. Таким образом, они проделали важную часть папуасского обряда захоронения¹⁷. Экзогамию и род надо специально искать, более того—о них надо предварительно не один раз услышать, чтобы их обнаружить. Миклухо-Маклай прибыл на Новую Гвинею до выхода в свет работ Л. Г. Моргана, он не знал об экзогамии и роде и не искал их у папуасов. Тем не менее, будучи превосходным наблюдателем, он собрал факты, свидетельствующие о наличии на Берегу Маклая этих социальных институтов.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на берегу Маклая, Собр. соч., т. II, М.—Л., 1950, стр. 341.

¹³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Этнологические заметки, стр. 59.

¹⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на Берегу Маклая, стр. 350.

¹⁵ Там же, стр. 338—341.

¹⁶ Там же, стр. 342.

¹⁷ Там же, стр. 350, 351.

Можно сказать, что Миклухо-Маклай своими трудами создал хорошую базу для изучения общинных, семейных и родовых отношений у папуасов Берега Маклая. При наличии столь солидной научной базы этнограф, вооруженный марксистско-ленинской теорией первобытнообщинного строя, может получить важные и ценные результаты, возобновив в настоящее время этнографические исследования на Берегу Маклая.

За прошедшие 100 лет в хозяйстве, культуре и быте папуасов Берега Маклая произошли большие изменения. Миклухо-Маклай предвидел это, и именно поэтому, отложив в сторону изучение вопросов зоогеографии, «почел за более важное,— пишет он,— обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на *status praesens* жителя-бытия папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоропреходящи... Не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова»¹⁸.

Миклухо-Маклай оказался прав. Жизнь и быт папуасов Берега Маклая начали меняться уже под воздействием самого Миклухо-Маклая: он дал папуасам железные ножи и топоры, ввел в их язык русские слова и т. д. Затем стало сказываться влияние немецких и английских трэдеров, миссионеров, работоторговцев («охотников на черных птиц»). В 1882 г. Ромильи — британский комиссар западной части Тихого океана — прибыл на Берег Маклая для вербовки рабочих. Он назвал себя братом Маклая («абадам Маклай»), воспользовался условными знаками, которые он выведал от Миклухо-Маклая, когда тот жил в Сиднее, и захватил первую партию рабов. В следующем, 1883 г. Ромильи направил к Берегу Маклая и в соседние районы свыше 30 кораблей для «охоты на черных птиц». Он вывез отсюда и из других мест свыше двух с половиной тысяч молодых папуасов¹⁹.

Вскоре после этого сюда с кратким визитом прибыл Миклухо-Маклай. 18 марта 1883 г. он посетил деревню Бонгу. «Припомнив расположение деревни,— пишет он,— я скоро открыл, что целые две площадки с окружавшими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, другие выселились»²⁰. Далее Миклухо-Маклай заметил, что среди встречавших его папуасов почти нет молодых мужчин.

«Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о „тамо инглис“ (вероятно, экспедиции шхуны „Dove“), затем о приходе в Гарагаси „абадам Маклай“ (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. „Туй муэн сен“ (Туй умер),— ответил мне Саул»²¹.

В 1884 г. северо-восточная часть Новой Гвинеи, включая Берег Маклая, была захвачена Германией.

В 1896 г., когда на Берег Маклая прибыл миссионер А. Ханке, деревень Горенду и Гумбу не было — жители их переселились в Бонгу. Население этой деревни увеличилось вдвое: в 1871 г. численность ее жителей составляла около 100 чел., в 1896 г. — их стало 200 чел.²²

¹⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, Второе пребывание на Берегу Маклая на Новой Гвинее, стр. 408, 409.

¹⁹ S. W. Reed, The making of modern New Guinea, Philadelphia, 1943, p. 100.

²⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Третье посещение Берега Маклая, Собр. соч., т. II, стр. 583.

²¹ Там же, стр. 584.

²² A. Hanke, Grammatik und Vocabularum der Bongu-Sprache, Berlin, 1909, S. 2.

Затем следует период в 70 лет, когда о папуасах Берега Маклая не появляется никаких сведений. Здесь плохая якорная стоянка, и корабли заходят в порт Маданг, расположенный в другом месте, а хорошей дороги от Маданга до Бонгу и соседних деревень нет.

После первой мировой войны эта часть острова становится колонией Австралии. В годы второй мировой войны на острове высаживаются японские войска, затем австрало-американские, и здесь происходят ожесточенные бои, в которых принимают участие и папуасы. После второй мировой войны на Берегу Маклая вспыхивают волнения, папуас Яло возглавляет культ «карго», его поддерживает значительная часть населения. Об этих событиях послевоенных лет обстоятельно написал австралийский этнограф П. Лоуренс²³. Но он описал деревни, близкие к Мадангу, деревня же Бонгу осталась в тени.

В 1966 г. советское экспедиционное судно «Витязь» посетило Берег Маклая. Судно вошло в порт Маданг. На другой день несколько участников плавания, в том числе В. О. Гурецкий, отправились на автомобиле в те места, где Миклухо-Маклай жил в 1871—1872 и 1876—1877 гг. «Но, к нашему великому огорчению» — пишет В. О. Гурецкий, — *прибрежная дорога местами оказалась размытой ливневыми дождями, а мост через реку Гогол был разрушен. Пришлось вернуться*²⁴.

В. О. Гурецкий сообщает, что деревня Бонгу расположена теперь не там, где она находилась в 1876—1877 гг. Судя по карте, приводимой им, эта деревня расположена теперь там, где раньше была деревня Горенду²⁵.

В 1970 году «Витязю» удалось посетить места, где жил и работал Н. Н. Миклухо-Маклай. Вот что рассказывает об этом один из участников экспедиции:

«Витязь на малом ходу осторожно входит в небольшую бухту, окаймленную густыми пальмовыми зарослями. Передо мной рисунки Миклухо-Маклая столетней давности — пейзажи бухты. Все удивительно совпадает: и зеленая бахрома рощ у моря, и прибрежные безлесные холмы, и синие контуры горных хребтов в глубине острова. В бинокль замечаю крыши спрятавшейся под пальмами деревушки. Конечно, это и есть Бонгу, в которой Маклай был своим человеком. А вон на том мыске стоял его дом. Под деревьями замечаю темные фигурки людей — нас приметили, с берега к „Витязю“ устремляются пироги...

...*Возле берегового обрыва, расчищенная от кустарника, огороженная бамбуковым частоколом площадка. Здесь стоял дом Маклая. Нам приятно, что жители помнят это место. Матросы „Витязя“ переносят из бота заранее изготовленную ими бетонную плиту с металлической пластиной. Плиту укладывают в центре площади. На пластине по-русски и по-английски выбита надпись: «В память высадки на этом берегу в 1871 году с корвета „Витязь“ русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая и моряков и ученых „Витязя“. Декабрь 1970 года»*²⁶.

Сейчас, конечно, бесполезно искать на Берегу Маклая «папуаса в его примитивном состоянии». Таких здесь давно нет. Кто хочет изучать первобытность и каменный век, тому надо совершить путешествие в горные районы острова.

Передо мной — полевые материалы японской исследовательницы Сакико Хатанака о племени сайолоф (другие названия — сисимин и хева), проживающем в труднодоступном горном районе. Территория этого племени окружена со всех сторон горами высотой до 2 тыс. м. Австралийская администрация впервые узнала о сайолоф в 1964 г., первые контакты с этим племенем были установлены в 1966 г. В 1967 г. сюда

²³ P. Lawrence, Road belong Cargo, Manchester, 1964.

²⁴ В. О. Гурецкий, Указ. раб., стр. 86.

²⁵ Там же, стр. 83.

²⁶ Л. Почивалов, По следам Миклухо-Маклая, «Правда», 3 января 1971 г.

добралась Сахико Хатанака, пробыла здесь год, затем в 1968 г. уехала отсюда на VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, проходивший в Токио и Киото, после чего вновь вернулась к сайолоф. Оттуда она прислала автору свои полевые материалы. «Сайолоф,— пишет она,— ничего не знали об (австралийской.— Н. Б.) администрации. В подавляющем большинстве они боялись контакта с администрацией, скрывались от нее в джунглях. Фактически 80% того населения, с которым я познакомилась, никогда до этого не видело каких-либо пришельцев со стороны»²⁷. Правда, и здесь, как сообщает Сахико Хатанака, каменные топоры уже вышли из употребления (с 1947 г. сайолоф стали выменивать у соседних групп населения железные топоры), однако образ жизни в целом пока что мало изменился.

Этнографов интересует не только тот образ жизни папуасов, который был до их контактов с европейцами, но и процесс изменения самобытного жизненного уклада, характер сочетания традиций и инноваций, приспособление старых обычаев к новым условиям жизни и новых явлений — к продолжающей жить прежней традиции.

Современные культура и быт папуасов Берега Маклая представляют собою в этом плане весьма интересный объект для этнографического исследования.

Исследователь, попавший на Берег Маклая и заинтересовавшийся этими проблемами, окажется в очень благоприятных условиях. Исходное состояние культуры и быта папуасов этого региона до появления европейцев обстоятельно и глубоко изучено Миклухо-Маклаем. Конечное состояние — современные культура и быт — могут быть изучены самим исследователем. Промежуточные этапы этого процесса можно проследить, воспользовавшись материалами местной миссии, трудами миссионеров А. Ханке и Б. Хагена, австралийского этнографа П. Лоуренса, а также полевыми материалами работавших под его руководством студентов. Тем самым открывается редкая возможность проследить историю папуасов Берега Маклая, особенно деревни Болгу, на протяжении 100 лет.

N. N. MIKLUKHO-MACLAY AND PROBLEMS OF THE ETHNOGRAPHY OF THE MACLAY COAST IN NEW GUINEA

In September 1971 comes the hundredth anniversary of the landing of Miklukho-Maclay on the coast of New Guinea. Miklukho-Maclay's articles, diaries, drawings and collections form a most valuable heritage of world ethnographic science. Miklukho-Maclays' dream of the emancipation of the peoples of Oceania from colonial servitude is beginning to come true. The Papuans of Maclay Coast still remember their Russian friend, *tamo russ*.

World ethnography is now faced by problems of continuing ethnographic studies on Maclay Coast. Among other problems which should be further studied are: the ethnic composition of the region's population, the social structure of the Papuans (the Paginians), their kinship system, the changes that have taken place in their culture and everyday life in the last 100 years.

²⁷ Sachiko Hatanaka, A settlement pattern of the Saiyolof (рукопись 1970 г.).